

Кусчуй НЕПОМА

Кусчуй Непома (Михаил Петров) родился в 1966 году в Рыбинске. Окончил Ленинградский технологический институт им. Ленсовета, аспирантуру. Переводчик испаноязычной литературы. Член Союза Писателей Санкт-Петербурга. Автор двух книг прозы. Печатался в журналах «Полдень. XXI век», «Бельские просторы», «Зинзивер», альманахе «Полдень». В «Волге» публикуется с 2014 года.

СТАТИСТ

(Смена парадигмы)

Тонкие, почти прозрачные ладони легли мне на глаза. Я должен был улыбнуться – инструкция обязывала. Ее звали Юля. Мне предлагалось с нежностью произнести это имя. Произнес. Юля засмеялась, убрала руки...

Как ее звали на самом деле – черт его знает. Я видел ее раньше, недели две назад. Помню, мы стояли на мосту через Обводный канал, на том, что одним концом упирался в темно-красный массив завода «Треугольник». Молча смотрели на воду. Как будто незнакомые люди. Или, скорее, поссорившаяся пара. В инструкции так и было написано: стоять будто поссорившаяся пара. Наверно, у нас это получилось. Потом она села в «мерседес» и уехала.

Юля, как и я, работала статистом. Тогда я ее толком не рассмотрел. Поссорившаяся пара, не смотреть друг на друга... Да, симпатичная, длинноногая. Худая... Лет двадцать пять. Или чуть больше. Кто ж думал, что нам придется еще раз вместе поработать. В нашей работе такое редко бывает.

Сейчас мы шли под ручку вдоль канала Грибоедова к собору. Она – тоненькие длинные ножки в черных джинсах, длинная кофта горчичного цвета, с большими пуговицами, расстегнута, черная футболка с рисунком бабочки, из ворота торчит тонкая шея. На шее – цепочка с маленьким кулоном. Что-то похожее на сову. С двумя красными выпученными глазами. Интересно, это ее украшения или присланные с курьером?

Я прижал ее руку к себе – легонько так, незаметно со стороны. Она, не переставая улыбаться, сказала, что это совсем ни к чему. Инструкция предписывала нам дойти до храма Спаса-на-Крови, там остановиться, попросить прохожего сфотографировать нас на фотоаппарат, который согласно инструкции болтался у меня на шее. Фотик – не мой, казенный. После пары снимков нам следовало обогнуть храм, выйти на Конюшенную площадь, и на этом – все, конец работе. Минут сорок от силы. Даже жалко как-то. Юля и вправду была симпатичная, и я не прочь был бы продолжить прогулку.

У храма мы, как и положено, остановились. Я попросил прохожего сфотографировать нас. Без сомнения, дядька корейской внешности, при котором была такого же корейского вида спутница, тоже статист. Как и двое музыкантов, что щипали гитарные струны у разных частей ограды Михайловского сада.

Юля прильнула ко мне, расплылась в улыбке. Наверняка мы были похожи на счастливую пару туристов. Я приобнял партнершу и тут же почувствовал отчужденное напряжение мышц. К счастью, это мог заметить только я. Ее дрожь, непроизвольную реакцию на мою ладонь, оказавшуюся у нее на талии. Кореец несколько раз щелкнул затвором. Вот мы на фоне храма, вот мы у ограды канала и решетки Михайловского сада. Странно, конечно, что на месте, где кого-то убили, теперь все фотографируются. И сколько таких мест, в городе ли, стране, где когда-то разыгралась трагедия, а теперь хлопают затворы фотоаппаратов.

Один из музыкантов, когда шли мимо, проводил нас взглядом. Да, точно, статист. Неаккуратно как-то работает. Хотя кто знает, что у него за инструкция?

– Может, еще раз встретимся? – спросил я, когда прогулка закончилась.

– Может... – ответила она.

– Я не про работу.

Юля, или как там ее, посмотрела на меня, словно изучая насекомое, еще пока не раздавленное.

– Это вряд ли.

– Запиши на всякий случай мой телефон, – уже совсем без надежды сказал я.

– Незачем, – ответила она.

– Тогда запомни, он прост как мелодия песни.

Я пропел эту мелодию, она не дослушала, нырнула в салон подъехавшего «мерседеса». Кажется, того же самого, что и в прошлый раз.

И на что я надеялся? Был бы красавцем, играл бы героев-любовников в сериалах. А так – статист. А кому захочется связываться со статистом? Которому и лет под сорок, и череп у него начинает освобождаться от лишнего.

Вечером курьер забрал лакированные ботиночки, рваные по последней моде джинсы, футболку с надписью «Chelsea» и фотоаппарат «Canon». На следующий день на карту упала оговоренная сумма, я купил бутылку вина и провел вечер в своей комнатке на набережной Фонтанки.

Конечно, надо бы искать нормальную работу. Но впереди было лето, а летом работать не хотелось. И случайный заработок статиста меня устраивал. Несколько последних лет выдались нервными: неурядицы на работе, увольнение, развод, разъезд, квартирные вопросы. И потому хотелось немножко передохнуть, просто побродить по улицам. Столько времени я пролетал этот красивейший город под землей насквозь с юга на север и с севера на юг. И теперь удивительно видеть, как он изменился. Вот отреставрированный Невский, вот новая нелепость из стекла и бетона, вот Обводный канал с его волшебной краснокирпичной архитектурой и клепаными металлическими мостами, вот выщербленный ряд домов на Большой Зеленина, словно стоматолог выдернул больной зуб из ряда старых построек. Потом в лауну вставят протез, а через несколько лет будет казаться, что так оно было всегда: и десять лет назад, и двадцать, и полвека.

Пока я чувствовал себя губкой, которая может впитать определенное количество воды, а потом станет к ней равнодушной. Вот я и впитывал петербургский воздух, наслаждался городом и одиночеством в толпе людей. Одни бежали мимо меня, другие сидели в кафешках, лениво потягивали напитки, разговаривали. И мне казалось: я – не статист, а персонаж, статисты же – это вот все они, чья показная, фальшивая, обусловленная инструкциями жизнь структурировалась вокруг меня.

Эту работу мне подкинул приятель. Смысла ее я не понимал, но деньги платили регулярно, при том, что каких-то особых напряжений эта работа не вызывала. Сначала меня, конечно, ломало: как же так, думал я, образованный человек, все время пытавшийся делать самостоятельные шаги в этом мире, а тут... Но когда нечего жрать, на многое перестаешь обращать внимание. Я мало видел людей, готовых голодать, когда рядом есть вот такой простой и изящный способ заработать на кусок хлеба. Почему изящный? Да потому что ты никак не можешь уловить, что ты на самом деле делаешь. Ты просто выполняешь чужие инструкции. В общем-то я не делал ничего плохого. Просто был в том или ином месте, абсолютно пассивно, словно часть декорации, словно дерево, фонарь или забор.

Любому хочется, чтобы мир вращался вокруг него. Но глупо думать, что ты центр галактики, когда твое существование в самом хвосте ее спирального рукава. Потому-то, быть может, я и согласился на роль статиста, что отчетливо ощущаю свое существование на краю. Нет в этом никакого самоуничижения или неуверенности в собственных силах. С краю лучше видно, что происходит в центре.

В самом начале пришлось подписать договор. И после – только выполнение инструкций и молчание, то есть неразглашение. Ты просто статист и точка. Поначалу мне

пришлось побывать стажером. Звучит совсем смешно. Не просто седьмой матрос в восьмом ряду, а дублер этого матроса. Но я понимал, что ко мне должны присмотреться. Испытательный срок... И для меня это было в самом деле как испытание на прочность: смогу ли я быть никем.

Помню, мне предложили проехаться в автобусе. Тот шел через весь город, медленно, цепляясь за пробки, светофоры и остановки. Я должен был часть пути проделать сидя, часть стоя, уступив место беременной женщине. Она вошла на Старо-Невском, я уступил ей место и как зачарованный смотрел на нее, пока она всю дорогу болтала по телефону.

В другой раз мне нужно было посетить Публичку, взять книгу про шлакобетон и делать выписки. Книга была старая, и мне все время хотелось чихать. Следующее испытание заняло весь день: поездка за город на электричке, куда-то в Мартышкино, на платформе пришлось попросить закурить, а ведь я не курю, потом прогуляться до зимнего залива. Я замерз так, что думал только о том, как бы быстрее все это закончилось. А еще о том, что к черту такую работу. Отогрелся в автобусе. Читал какой-то журнал, найденный на остановке. Потом зашел в магазин в Старом Петергофе, купил колбасы и апельсинов, обнаружил, что меня обсчитали и устроил скандал. И все это было по инструкции. Вернулся домой только вечером, усталый как собака.

И вот уже полгода, как я статист. Как бы только не войти во вкус быть бездельником...

Через несколько дней после прогулки возле Спаса-на-Крови пришла смс-ка.

«Нужно увидеться. Юля».

«Юля?..»

Сразу было не сообразить, какая-токая Юля.

«Твоя партнерша-статист».

Неожиданно.

Она назначила свиданье еще одной смс-кой, недалеко от станции метро Чернышевская. Через час. Единственное, что я успел – купить цветочков, не сильно дорогих гвоздичек, зато букет вышел пухлый.

Однако Юли на месте встречи в назначенный час я не увидел. А ведь работа статистом обязывает быть пунктуальным. И тут пришла еще одна смс-ка. «Зайдите в подворотню, поверните направо, второй подъезд». Ладно, подумал я, так даже интереснее.

Подъездная дверь открылась. Я хотел было сунуть Юле букет, но она схватила меня за руку и втянула в подъезд. И половина букета осталась снаружи, на асфальте.

– Идемте, – сказала она, не обращая внимания на остатки цветов в моей руке.

Она побежала по лестнице вверх, между этажами задержалась, посмотрела в окно, снова поскакала по ступенькам.

– Цветы... это вам, – сказал я, когда мы оказались в квартире на последнем этаже.

Квартирка была махонькая, больше похожая на студию. Сразу у входной двери кухня: столешница вдоль стенки, под ней маленькая стиралка, с другой стороны – холодильник, пара навесных шкафчиков. Тут же дверь в туалет и ванную. Далее комната, в которой – одежный шкаф, диван, кровать и стол у окна.

– А что, уютно. И как вы мой телефон запомнили? – спросил я.

– Запомнила. Вы ж мне мелодию напели.

Юля небрежно бросила цветы в раковину.

– Уютно, да. До недавнего времени было.

Я сделал вид, что не заметил, как она поступила с цветами. Прошел в комнату, сел на диван. Как-то все мгновенно вышло. Невероятно быстро. От первой смс-ки до квартирки. Тут впору растеряться. Задуматься о несостоявшейся прелюдии, во время которой можно и на попятную пойти.

Юля смотрела на меня, но будто не видела. Закусила губу, потом потянула руку ко рту, стала грызть ногти. Хоть бы чаю предложила, подумал я. Впрочем, у меня был в кармане куртки козырь...

– Ну и что за срочность? – спросил я. – С радостью помогу. Если смогу.

– Я не знаю, кто тут кому может помочь... – проговорила она.

– В смысле?

Она села рядом, положила на колени ноутбук. Коснулась своим бедром моего и не заметила этого.

– Смотрите.

Я увидел на экране монитора нашу с ней фотографию. Видимо, ту самую, которую сделал «случайный» прохожий. Спас-на-Крови, Юля, я, мы улыбаемся, она нежно жмет ко мне. И совсем не видно напряжения мышц, не видно, как она убирает мою руку со своей талии. Вторая фотография – там же. Оба снимка обрамлены текстом. И под фотками надпись: «Вениамин Желудько со своей супругой Ольгой не чужды туристическим маршрутам». Это была страничка какой-то сетевой газетенки, которая освещала события гламурной жизни всяких там известных персонажей. Но причем здесь я? Причем здесь Юля? И кто такой этот Желудько? Что за бред?

Юля прокрутила страницу дальше. И там была наша фотография. Другая. С прошлого свидания. Вот мы, два статиста, на мосту через Обводник, стоим, смотрим в разные стороны. Будто поссорившаяся пара.

– Честно сказать, я ничего не понимаю. Бред какой-то, – сказал я.

– Еще не знаете, до какой степени.

И Юля как-то странно посмотрела на меня.

А меня эта ситуация начала веселить. Я, простой статист, как и Юля, мы вместе по ошибке оказались в центре каких-то событий, нам неведомых. А что, это даже интересно. Можно сказать, романтичненько.

– Послушайте, Юля... Может, мы сходим в кафе... Я есть хочу. Целый день ничего, а ваша смс-ка поймала меня на пороге квартиры.

– У меня пельмени в морозилке.

– Хорошо, – согласился я, ожидая, что она бросится к домашнему очагу.

Но она снова уткнулась в ноутбук. И снова грызет ногти... Взрослая вроде девочка. И ногти...

– Сами воду поставьте, если хотите.

Хорошо, сам. Хотя мне казалось, что могло быть и иначе. Впрочем, жрать и вправду хотелось.

– Коньяк будете? – спросил я, щелкнув газовой зажигалкой под кастрюлей с водой. – У меня есть.

– Что? – Юля смотрела на мою руку, в которой в свете свисающей над столешницей лампы поблескивала маленькая бутылочка коньяка. Гвоздики, коньяк – пошлятина, конечно. Однако с чего-то надо начинать.

– А кто такой этот Желудько? Так налить? – я смело полез в навесной шкафчик в поисках рюмок.

– А вы разве не знаете? Нет, спасибо... – отмахнулась она от налитой рюмки. – Смотрите.

Пока закипала вода, я смотрел. Я не в курсе всех этих дел богатеньких и власть имущих. И потому понятия не имел, кто такой Желудько. Оказалось – миллиардер. Пусть и рублевый...

– Вот его фотки. А вот его женушка.

Передо мной пролетали фотографии, официальные и снятые папарацци. И вот что удивительно: этот миллиардер, этот Желудько был похож на меня. А его жена Ольга – на Юлю. Другая страница – новое фото человека в оранжевом свитере. Подпись «Миллиардер не чужд интеллектуальных развлечений»...

Вода закипела, я бросил пельмени и допил вторую рюмку.

Коньяк изменил немного угол зрения. А ведь на ней была та самая кофточка, что и несколько дней назад, горчичного цвета, с большими пуговицами. Значит, кофточка ее, а

не казенная. Гляди-ка, и кулончик на месте. Под кофточкой в этот раз были не футболка и джинсы, а платице, оранжевое, летнее, легкое, и острые коленки торчали, поблескивая в свете настольной лампы, а выше бедро.... Захотелось коснуться его, провести ладонью по этому изгибу, подняться выше... Так, может, поиграть в эту игру, в которую она сейчас играет? Пусть сгущается бред, как туман на рассвете. Миллиардер, похожий на меня. Или я на него. Ну, спутали нас пару раз. Ну, похожи, бывает. Конечно, обстоятельство фантастическое, но вероятное...

Видимо, Юля заметила мой слегка осоловелый взгляд.

– Что вы на меня так смотрите? Разве вы не понимаете?

– Что не понимаю? – я поставил рюмку на стол.

– Нас хотят убить. Грохнуть, понимаете?

– Неужели? – спросил я, мешая пельмени.

Юля закусила губу. Смотрела куда-то в пол. А в квартире пахло пряными травами, которые я добавил в бульон.

– Я не знаю, сколько у нас времени...

– Вы меня уже хотите выгнать?

И в это время в домофон позвонили. Юля застыла на диване, вжалась в спинку, будто хотела провалиться в нее. Домофон звонил и звонил, занудно, и, казалось, с каждым новым приступом его трель становилась все более угрожающей. А потом наступила тишина. И было слышно, как булькают в кастрюле пельмени.

Юля вскочила с дивана. Не обращая на меня внимания, скинула с себя платье – я отвернуться не успел, так и смотрел на ее голую спину, на трусики, белеющие в полумраке, – натянула джинсы, вставила ноги в кроссовки.

– Бежим отсюда!

– Зачем?

И тут у нее зазвонил телефон. Юля посмотрела на экран, потом на меня. Снова на телефон, показала мне. Звонил какой-то Олег. Ну и что?

– Бегом отсюда! Он там внизу. Рано или поздно войдет сюда, позвонит соседям...

– И что?

– Да ничего! Неужели вы не понимаете, что мы уже не статисты, мы – персонажи не нашей истории.

– Смена парадигмы, да? – попытался пошутить я. Она не поняла.

Я успел выключить газ под пельменями, прежде чем мы выскочили из квартиры.

В окно на лестничной площадке я заметил внизу парней, торчащих около подъезда. Все в строгих темно-серых костюмах, аккуратно стриженные, с зализанными назад волосами. Рядом – капот черного джипа. Юля дернула меня за полу куртки – не высовывайся.

Из подъезда выход был только один, во двор. И все окна смотрели туда же. Кроме одного, что выходило на уровне второго этажа во двор соседний. Юля дергала застывший в камень шпингалет.

– Помогите же...

Пришлось дернуть с силой за ручку. Что-то треснуло. Еще рывок. Шпингалет соскочил, шурупы, его державшие, вырвали из рамы щепки. Нервозность Юли понемногу передалась и мне. Хотя я все еще верил, что это какая-то дурацкая игра, в которую я зачем-то ввязался. И зачем? Приключений захотелось?

Внизу слышались пиликанье домофона и следом звук открываемой двери. Голоса. Но мы уже выскочили наружу. Юля ловко уцепилась за трубу газоподачи, шедшую по стене между первым и вторым этажами. Повисла на мгновение на руках, затем свалилась вниз. Я прикрыл сорванную створку и последовал за ней.

Мы прижались к стене, не решаясь сразу пересечь двор. С лестницы могли нас заметить.

– У Олега есть ключ. Он войдет в квартиру. А окна выходят сюда. У нас будет

минута, чтобы пролезть между вон тем гаражом и стеной, а там мы выскочим в другой двор и...

А может, это банальный страх быть пойманной на адюльтере, подумал я, протискиваясь сквозь узкую щель и пачкая куртку...

– Ты местный? – спросила Юля, перейдя на ты.

Мы сидели в круглосуточном кафе. Забились по ее просьбе в дальний зал, чтобы нас не было видно из окна. Я трескал те же пельмени, только за деньги. Смена парадигмы, да.

Юля спросила, сколько у меня наличных. Она все – и деньги, и банковские карточки – оставила дома. По карманам у меня было рассовано тысячи две. Без шика провести вечерок можно. Но не больше...

– Телефон только выброси, – сказала она.

– Это еще зачем? – вся эта параноидальная история меня начинала выводить из себя.

– По телефону нас могут вычислить.

– Насмотрелась дюдиков по телику.

– Нет.

– Телефон денег стоит.

– Ты... не понимаешь...

– Кое-чего – точно.

И вот тогда:

– Ты местный?

– Ну да. А причем здесь это?

Местный... Какое странное слово...

– А я нет. Из Челябинска. Я познакомилась с Олегом по интернету. Ну, там социальные сети. Сам понимаешь, как это бывает.

– А Олег – это кто?

– Мой парень... Точнее, теперь не знаю...

– И?

– Сначала фотки, лайки, комментарии – вот вся эта ботва. Месяца два-три, и я вдруг почувствовала, что меня влечет к нему. А потом он взял и приехал. Я как-то даже растерялась поначалу. Ведь как оно бывает? По интернету одно, а потом когда видишь человека в реале... так лучше бы и не видеть. А он берет билет и летит. А ты не знаешь, как на это реагировать. Мы провели чудные два дня. А потом он пригласил меня в Питер. Сказал, что комнату поможет снять, работу найдет. Подумала тогда, а чего мне в Челябе киснуть. Петербург – почти столица. Словом, поехала. Роман у нас покати́лся как скорый поезд. Со спальными вагонами, вагонами-ресторанами, станциями развлечений и прочим. Квартирку мне он эту снял. Пару месяцев платил за нее, пока я на работу не устроилась. В салон-парикмахерскую. В общем все было – о'кей. Только денег обычным парикмахером, чтобы оплачивать жилье, не заработаешь. И тогда Олег нашел эту работу. Статистом. Не знаю, как у тебя, а мне было ненапряжно.

– Меня тоже не напрягает, – поддакнул я.

– Я и в парикмахерской, и тут. Денег больше... – Юля, казалось, смотрела сквозь меня, сквозь все стены, которые могли оказаться на пути ее взгляда. – И все было нормально, и Олег рядом, и прочее... А вчера я вдруг случайно... совершенно случайно... Я была у него. Он накачался изрядно... А потом уснул. Я решила перебраться на диван, а тут зазвонил его телефон.

Ну какого рожна, подумал я, она рассказывает мне про своего хахалю? Оно мне надо знать?

– Погоди-ка, – сказал я и поднялся.

Она резко вскинула голову, будто боялась потерять меня навсегда.

– В туалет схожу. Я быстро.

В туалетной комнате, глядя на себя в зеркало, я мокрыми ладонями пригладил волосы. Надо заканчивать всю эту затею и отправляться домой. Прогуляться по вечернему

городу. До моей комнаты на Фонтанке – в самый раз, чтобы проветрить голову и приготовить ее к безмятежному сну.

Я снова провел ладонью по волосам. Фотка с чуваком в оранжевом свитере... Вспомнился майский заказ, когда мне пришлось статистом сидеть на Марсовом поле и два часа читать Джойса.

В коробке, которую доставил курьер, помимо томика Джойса и инструкции были еще тот самый ярко-оранжевый свитер, кеды моего размера, небольшой рюкзачок. Судя по этикеткам, шмотки были совсем не дешевые.

Мне предписывалось на следующий день с четырех до семи находиться на Марсовом поле. Два часа читать Джойса, сидя на скамейке (на плане она была помечена крестиком), потом обойти Вечный огонь, перейти Садовую, выйти на Лебяжью канавку и пятнадцать минут смотреть на Летний сад. Всего два с половиной часа.

Читать Джойса было мучительно. Потому я только водил глазами по строчкам, время от времени переворачивая страницу. И почему бы не читать его в электронном виде? С телефона, к примеру. Так нет – увесистый томик в суперобложке... Оранжевый свитер приятно щекотал подбородок, буквы скользили перед глазами, не оставляя о себе никакого воспоминания. Скукота. А потому было невозможно не думать о том, о чем думать не следовало. То есть о том, зачем ты, собственно, здесь находишься.

Профессиональный статист, говорил мой приятель, об этом не думает. Надо уметь абстрагироваться от цели. Потому что цель это не твоя. Ты себе мозг ломаешь, если будешь об этом думать. Можешь смеяться, но это путь к нирване. Вся эта чужая жизнь, которую ты обслуживаешь, будучи статистом, должна проходить через тебя как вода сквозь решето. Не задевая, а наоборот – очищая тебя. С другой жизни тебе ничего не обломится, и нечего думать о ней. Ты же не думаешь о всяком встреченном тобой человеке, что там у него да как. Так и здесь: ты просто живешь несколько часов статистом и получаешь за это бабки.

Но, видимо, я далек был от нирваны. И потому, пока переворачивал страницы, украдкой поглядывал по сторонам. Но ничего особенного не видел. Проходили люди. Где-то за каменными блоками горел огонь. За спиной по Садовой шли машины. Вот проехал велосипедист. Остановился, слез, стал копаться в колесе. Вот пробежала собака. Кто из всего этого набора являлся событием, обрамлением которого служил я, читающий Джойса?

Или вот: на соседней скамейке – парочка. Ему было лет сорок, она явно младше. Любовное свидание, видимо. Мужик наверняка женат, а то чего бы ему кольцо на пальце держать. Между ними два пакета и два пластиковых стаканчика. И из одного пакета в стаканчики текла жидкость. Винцо...

А вдруг это и есть событие, при котором нахожусь я? Ну, например, ревнивая жена вот этого кренделя решила проверить своего благоверного на прочность и заказала эту ситуацию. И вот я, читающий Джойса, велосипедист, ковыряющийся в колесе, собачка – это все статисты, призванные для того, чтобы создать естественную атмосферу для адюльтера.

Я снова глянул на парочку. Он что-то шепчет ей на ухо. Она улыбается. Как мне показалось, растерянно. И вдруг посмотрела на меня и словно бы смутилась, отстранилась от собеседника и убрала свою руку из его руки. Будто испугавшись меня, моего взгляда.

И вот снимок в желтом издании: чувак, то есть я, в профиль в оранжевом свитере с томиком Джойса... Снимали с той, соседней скамейки. Неужели я сам был тем событием?..

Я вышел в зал. И сначала не увидел Юли. Она сидела под столом и, приложив палец к губам, смотрела на меня. Потом глазами показала куда-то в сторону. И я увидел парней в темно-серых костюмах. Один из них о чем-то говорил с официантом. Другой осматривал зал. Взгляд его остановился на мне. Ненадолго. Неужели не признал во мне миллиардера? И тут Юля на карачках поползла ко мне. Выглядело это забавно, однако я даже не успел

улыбнуться – она втолкнула меня обратно в коридорчик, ведущий к туалетам.

Я не помню, как мы оказались на улице. Кажется, я орал: «Где у вас тут другой выход?» Ну прямо как в каком-то кино – миски-сковородки в стороны, повара по углам. А потом еще на улице пару кварталов бегом. Отдышались за поворотом. На Таврической.

– Черт, я телефон на столе оставил, – вспомнил я.

Юля протянула мне мой телефон. Выключен. Попытался включить – не включается.

– Я батарею выкинула, – пояснила она.

– Зачем?!

– Затем!

– Слушай, если ты больная на голову... Может, тебе в полицию обратиться?

– Ну и что мы там скажем? – ответила она, не заметив мою попытку выйти из ее жизни. – Что мы похожи на миллиардера Желудько и его жену? И что их, то есть нас, хотят убить?

– Вот это ты сама придумала, нес па?

– Что?

– Ничего, проехали...

– И что теперь? – спросила она.

– Не знаю, что теперь... Но я домой.

– Хорошо, я с тобой.

Я остановился. Вот тебе номер!

Мы стояли и смотрели друг на друга. Приключение должно заканчиваться вовремя, детка. Я незаметный человек, проживающий свою жизнь скорее по случайности, чем по призванию, статистом. И в этом свой кайф, другим, может, непонятный. Но я ничего не собирался объяснять Юле. И никому другому. И потом, уже полночь, петербургские белые ночи излетели месяц назад. И я чертовски устал.

Но Юля вдруг взяла меня за руку и снова повторила:

– Я с тобой...

И в этот раз интонация была вопросительно-просительной.

– Если хочешь... – ответил я.

Мы обогнули Таврический сад. Юля шла, глядя прямо перед собой. Вот шмыгнула носом и как-то совсем по-детски вытерла его рукой. Я смотрел на ее профиль, сейчас словно вырезанный из темноты светом фонаря.

– Когда Олег спал, телефон у него зазвонил. Я прошла бы мимо. Но там имя сверкало – Вероника. И фотка какой-то смазливой бабы. Кто такая – не знаю. И какого хера какая-то Вероника звонит моему парню за полночь? Я взяла трубку... Мне эта Вероника не дала слова сказать. Ни привет, ни алле... Будто уверена была, что Олег только и ждал ее звонка. В общем эта бабца выдала, что, мол, заказчик хочет исчезнуть через два дня. У него изменились обстоятельства. Тем более, пресса готова. Деньги переведены. Они... я не знаю, кто такие они. Олег и эта Вероника или еще кто-то... В общем, они остаются следить, чтобы похороны, вся эта шумиха в прессе прошли как надо. А потом могут сваливать. И еще она сказала, что тебе уже отправлено письмо на почту. Ну те, которые мы получаем, когда нас заказывают как статистов.

– Мне? – удивился я. – Я ничего не получал...

Впрочем, я сутки не открывал ноутбук. А телефон у меня был простой, без всякого интернета.

– Я нажала «отбой», когда она спросила: Олег, ты понял? Я сначала ничего не поняла. Расхерачила телефон, чтобы бабы ему всякие не звонили. А потом ушла. А он так и не проснулся. И только потом до меня дошло, когда я наткнулась на эти фотки в сети... На наши с тобой фотки с этим идиотскими подписями... А потом вспомнила, как тогда еще, в Челябине, он звонил кому-то... Я случайно услышала, как он говорил, что кто-то на кого-то похож, процентов на девяносто. Не поняла тогда, кто и на кого. А уже здесь, в Питере, он как-то попросил меня кудряшки вот эти наvertеть. Сказал, что так я совсем

круто выгляжу А я, дура, и рада стараться. Вот с кудряшками хожу...

Юля намотала на палец локон, отпустила, локон упал, немного спружинил завивкой.

– Ну, не знаю... Может, это бред, и я все это... как говорится, надумываю, а все на самом деле бело и пушисто. Но я прочитала кое-что про этого Желудько, да и Олег болтал всякое... Он там с кем-то общается, они трут все время за политику, за прочее. Словом, этот миллиардер в опалу попал. Его мягко прессанули... Он вывернулся. Только махинации какие-то вскрылись. Словом, у парня могут не только его миллиард отжать, а отжать и жизнь его дурацкую. Вот он и решил финт такой провести: себя замочить в виде своего двойника, а сам слиться куда-нибудь на Фиджи. Там, говорят, весьма ненапряжно можно жить.

И тут она посмотрела на меня. И взгляд ее был необычный. Словно бы она увидела меня впервые. Словно бы перед ней открылось что-то новое, чего она до сих пор не могла видеть. Была в ее взгляде какая-то жалость или, может, извинение за то, что сдернула с моих глаз приятную вуаль незаметного статиста.

– Ты хочешь сказать, что какой-то там Желудько решает таким образом свои проблемы?

– По крайней мере, пытается. В общем, меня Олег отыскал в Челябине и занялся мной именно потому, что я похожа на жену этого хмыря. А тебя нашли здесь. Прямо под боком. У тебя и прическа такая, как у него. Или ты стригся по инструкции.

Да, в одной из инструкций была картинка со стрижкой, которую мне нужно иметь для очередного заказа. Я пришел в парикмахерскую, показал картинку, и меня постригли.

Мы шли по пустынной Кировной вдоль ограды Таврического сада. Ни людей, ни машин. Темно, фонари, деревья над нами, романтика... И Юля уже не убирала руку, когда я прижимал локоть к себе. Но несмотря на это мне казалось, что мы идем по разную сторону ограды, что прутья решетки, мелькая, то и дело скрывают Юлю, размывают ее изображение, как будто она явилась мне во сне, как всегда странном, выворачивающем наизнанку занесенную в меня явь. И хотелось, чтобы это ощущение, необычное и все же приятное, длилось вечно – такой вот признак счастья.

И вдруг визг тормозов... И Юля рванула вперед, прочь от черного джипа, из которого выскочили трое – все те же темно-серые костюмы. Двое парней побежали за Юлей. Один протянул руку ко мне, и мне показалось, он словно бы хотел ухватить готовый вот-вот улететь воздушный шарик. И дальше что-то случилось... Помню, как схватил парня за руку и дернул его на себя, одновременно выставив вперед колено. Потом был удар дверцей – и еще один, что вылезал с места водителя, крикнул что-то и откинулся на сиденье. А дальше я понял, что бегу вслед за остальными, и в руках у меня пистолет. Кажется, его выронил тот, в джипе. Двое тащили Юлю обратно к машине. Увидев наставленный на них пистолет, остановились.

– Смена парадигмы, парни, – сказал я. И тут подумал, что похож на героя дешевого кинобоевика. Вот этой своей позой, этими словами, звучащими как шутка юмора. Я как будто наблюдал себя со стороны.

Потом происходило что-то еще. Кажется, я загнал парней в джип, забрал ключи... Умел бы водить автомобиль – поступил бы наоборот. Юля к тому времени убежала. Как я ее догнал, не помню... Помню, вдруг увидел впереди в свете фонарей длинную кофту Юли, потом она свернула в подворотню. Ворота, отделявшие двор от улицы, оказались открыты. В подъездную дверь был вставлен кусок красного кирпича. Мы вошли, я отпихнул кирпич.

– Испачкаешься, – сказал я, заметив, что Юля прислонилась к стене.

Мы сели на подоконник, однако быстро сползли вниз, чтобы нас не было видно с улицы. С потолка свисал провод, на нем болтался патрон с тусклой лампочкой.

– Да и черт с ним, – ответила Юля и привалилась к моему плечу.

– Жаль кофту, красивая. И тебе она вполне...

Я скорее понял, чем увидел, что Юля улыбнулась.

– А ты бы и вправду смог бы стрельнуть? – спросила она, кивнув на пистолет в моей руке. Я ведь так и бежал с ним по улице. Глупо было, наверно.

– Не знаю, – ответил я. – Если бы приперли, то... Не знаю. И сдается, что пистолет у них был один. И теперь он у нас.

– Странно это, не находишь?

Я пожал плечами.

– А Олег из них который?

– Тот, что за рулем сидел.

– Не жалко тебе, что я его дверцей так нехило...

– Что мне его жалеть...

Она взяла пистолет, покрутила, и вдруг из рукоятки выскочила обойма.

– Вот так фокус, – сказала Юля, подбирая пустую обойму.

Странно. Несерьезные какие-то ребята...

– Бесплезная штуковина, значит. Даже не попугаешь.

Я аккуратно полой куртки вытер пистолет и сунул его за батарею. Туда же сунул ключи от машины.

– И что теперь? – спросил.

– А ты ничего... – вдруг сказала Юля, глаза ее блестели в полутьме, отражая свет неяркой лампочки. – Я бы с тобой замутила, не будь...

– С нами и так что-то замутили, – сказал я. – Чего делать? Есть варианты? Можно попробовать ко мне добратся.

– Думаю, они и твою квартиру пасут. Лучше вернуться ко мне. Вряд ли они снова сунутся туда.

В подъезд на Шпалерной мы вошли не сразу. Сначала наблюдали за окнами Юлиной квартиры, высматривали лестницу через окошки лестничных пролетов. В конце концов решились. Мякнул домофон, заставив нас застыть возле полуоткрытой двери и прислушиваться к малейшему шуму в подъезде. Потом были пять этажей. На лестничной площадке последнего всего одна квартира. Юля вытащила ключ, но потом, приложив ухо к металлической двери, нажала на кнопку звонка. И лишь затем вставила ключ в замочную скважину. Ключ не поворачивался. Дверь оказалась открытой. Кто-то побывал в квартире и ушел, не запев ее.

Только перевернутый стул, валявшийся в середине комнаты, говорил о том, что здесь кто-то был. Все остальное, в том числе разбухшие от воды пельмени и недопитая бутылка коньяка, было так, как мы и оставили при стремительном бегстве.

Юля устало повалилась на кровать. Ее длинное стройное тело вытянулось на желтом покрывале. Полы горчичной кофты, черные джинсы, краешек полосатых носочков...

Заметив, что я смотрю на нее, Юля слегка подвинулась, словно освобождая место и для меня. Но я вернулся на кухню и глотнул коньяка. Так, кажется, должны делать настоящие герои, персонажи фильмов. Положить пистолет, вытереть пот со лба и, глядя на красотку под боком, приложиться к бутылке. Пистолет я положил несколько ранее – за батарею в незнакомом подъезде, пот со лба вытер перед входом в квартиру, красotka лежала сейчас на кровати... Коньяк обжег горло.

– И мне дай.

Я протянул Юле бутылку, она села на кровати. Я присел рядом. Она вернула коньяк, я снова глотнул, она взяла, сделала еще глоток, закашлялась, потом уткнулась лбом мне в плечо. Тишина в квартире, тишина за окном, звенящая предутренняя тишина. Я чувствовал усталость, но эти легкие кудряшки, нашедшие приют у меня на плече, как будто давали новые силы. И мне показалось, что все, что с нами было в эти вечер и ночь, – все это нереально, все это ненастоящее, придуманное кем-то, выписанное каким-то виртуозом пера, а настоящее – это вот слезка, покотившаяся вдруг по Юлиной щеке, вот этот всхлип, это ощущение случайного счастья, вдруг настигшее меня в чужой квартире... Я обнял Юлю. И как будто нажал на какую-то тайную кнопку – слезы в два ручья

покатились из ее глаз.

– Ты знаешь... – сипела она, – у меня мать больная, там, в Челябине... У меня нет ничего... И Олег...

– Тише, тише... – моя рука медленно поползла по спине, по мягкой ткани кофты. Вниз, нащупывая твердый обхват ремня на джинсах. И вдруг я почувствовал щекой ее прохладную ладонь. Юля смотрела мне в глаза, последняя слеза таяла, теряя свой ночной блеск. Юля медленно повалилась на кровать, увлекая меня за собой. Кулон – сова, маленькая с двумя большими глазищами, которые слегка пульсировали красным в полутьме комнаты, оказался перед моим носом, а затем соскользнул в сторону. Мои губы коснулись груди, небольшой, незаметной, и я услышал – будто неожиданно получив возможность слышать то, что раньше слышать не мог – шорох губ о ткань...

Юля вдруг резко прижала мою голову к груди, всего лишь на мгновение, которого, впрочем, хватило, чтобы я расслышал уханье сердца, частое, тревожное. Это длилось миг – Юля высвободилась, подошла к окну, сунула в рот откуда-то взявшуюся сигарету, щелкнула, не таясь, зажигалкой.

– Ты куришь? – спросил я.

– Иногда. Когда хочется спрятать волнение.

Она стояла возле окна, и я зачарованно смотрел на ее силуэт на фоне светлеющего квадрата – тоненькая фигурка, скрытая кофтой, отставленная в сторону рука с исходившей дымом сигаретой. В правом углу, прямо по линии сигареты, заключенный в форточную раму огрызок луны. Он так и не выйдет, подумал я, из своей клетки, не вырастет в рябой кругляк и не сгинет в новолуние. Его могут только разорвать на части узкие перья облаков, и я вдруг увидел, как луну режет на несколько лоскутов неизвестно откуда взявшиеся лезвия ножей...

– Ты не боишься, что тебя заметят? – спросил я, сбросив наваждение.

Юля прислонилась к стене, там же у окна, слив свой силуэт с темным провалом стены. И только рука выносила в светлое пятно окна то и дело гаснущую сигарету.

– Когда сведут Литейный мост, переберемся на ту сторону, на Финбан. Первой же электричкой уедем в Лемболово. Там у меня дача, на первое время... Глянь в сети расписание.

– Они ноутбук забрали, – сказал Юля, и огонек снова вспыхнул у ее рта.

– Черт... А я внимания не обратил...

Мы молчали. Рассветная тишина за окном, воскресенье, сегодня день оживает позже, чем обычно. Мне снова захотелось той близости, что возникла и перестала быть между нами несколько минут назад.

– А ты не думал, – заговорила Юля, – никогда раньше не задумывался, что, натренировав нас как статистов, прикормив дармовым заработком, они когда-нибудь возьмут и пошлют нас на какую-нибудь бойню? На баррикаду... Пройтись по улице с тряпкой в руках, на которой написана какая-нибудь хрень. Делов-то...

– Можно отказаться. Скажи, что занят в этот день и все.

– Ты занят, другой свободен. А в следующий раз тот будет занят, а ты свободен. И потом, кто тебе скажет, куда и зачем тебя посылают. Ты ж статист. Твое дело следовать инструкции. Быть при каком-то событии. Но когда в одном месте собирается критическая масса статистов, то событие может быть именно в этом. В создании массы статистов. Не думал об этом?

– Ты знаешь, у нас все население – это статисты, которые создают легкий и непринужденный фон для кучки творцов реальности. Вот для таких, как этот твой Желудько. И ничего...

– Он не мой, он – твой. Потому что он – это ты. А я – Ольга, твоя жена. И мы можем так и остаться ими...

Юля затушила сигарету, поискала, куда бы выбросить окурочек. Открыла форточку с лунной, окурочек улетел в утро.

– Моя младшая сестра, когда я улетала в Питер к Олегу, сказала мне... Ей сейчас семнадцать... Когда мне было семнадцать, я была просто душой по сравнению с ней. Тогда еще с мамой все было нормально...

Юля замолчала. Как мне хотелось, чтобы она, моя жена, сейчас подошла ко мне, села рядом. Хотелось видеть ее глаза. Но она стояла у стены, пряча себя, свое тело, свое лицо, свои слезы в темноте, бывшей еще темнее от влетающего в окно утра.

– Она мне сказала... Сука ты, Юля... Хорошо помню, как она смотрела на меня. Как волчонок, который понял, что теперь он один на один с этим миром. Что теперь единственное, что у него остается, это клыки и когти... Нет, не было в ней ненависти ко мне. Это была злоба. У нее одиннадцатый класс и мать... Она была права...

– Почему?

– Потому что я сука. Я уезжала. А она оставалась. Вот закончила школу, теперь пойдет в продавщицы в какой-нибудь магаз... Из тех, что торгуют всякой всячиной. Ей там в кладовке вставит хозяин. А откажется – вылетит со свистом. В другой магаз. А там своя кладовка, свой козел с невытым отростком... Не этот, так другой... И еще мать... Она уже забывает, что было раньше: завтра или вчера. И вот я, такая вся в лучах надежды, валю в Питер. Не сука ли?

– Нет.

– Я врезала ей по морде... Наотмашь так. Развернулась и вышла. Потому что еще немного, и я бы не выдержала. Не выдержала и никуда бы не поехала. И тогда мне бы вставили в кладовке какого-нибудь магаза... Потом ей звонила, отсюда, маме звонила, деньги какие-то посылала...

– Хочешь еще коньяка? – спросил я.

– Нет, не хочу... А то меня сейчас развезет...

Юля выглянула в окно и снова отошла в тень.

– Странность какая, – сказал я. – Пустая обойма... Кто берет с собой пистолет с пустой обоймой?

– А ты думаешь, нас прямо здесь хотели завалить?

– Ты же сама сказала...

– Я сказала, что кто-то хочет исчезнуть из этого мира. Подложив вместо себя наши мертвые тела. А как наши живые тела станут мертвыми – вопрос фантазии, и тут может быть все, что угодно. Упавший частный самолет, вылетевший на встречу «феррари»... Да любой несчастный случай. С дерева упали на случайно подвернувшиеся колья.

– Любая экспертиза установит, что это не их тела. ДНК и прочее.

– При нас будут документы и личные вещи. И никаких сомнений, что это за пара трупов. Пресса сделает свое дело, а родственники свое. И закопают наши тела на каком-нибудь далеком острове. И будут приезжать раз в год на наши могилки настоящие Желудько и его жена Оля. Изменившие свою внешность. И говорить спасибо.

И Юля вдруг засмеялась.

– Знаешь, будешь смеяться – я есть захотела. Черт...

Она сидела на табурете и прямо из кастрюли вилкой вылавливала разбухшие трупы недавних пельменей. Один, второй, третий...

– Вкусно, но недосолил, – сказала она. И я подумал, к чему это – недосолил, когда здесь все вот так, когда сидим мы двое в квартире на верхнем этаже и не знаем, что делать дальше.

И теперь я смотрел с кровати на нее, жующую остывшие пельмени, и думал про этот чертов пистолет, про тех парней, что так спокойно смотрели на меня у Таврического сада, и не боялись они направленного на них пистолета, но и вперед не лезли, про неполученное письмо, про сигарету, мелькавшую красным пятнышком перед окном... И вдруг такое же пятнышко забилося на наколотом на вилку пельмене, соскочило с него, прыгнуло на стену, запуталось в кудряшках Юли, метнулось на косяк дверного проема и в конце концов остановилось на Юлином животе, прямо на одной из огромных пуговиц

кофты.

Пельмень соскочил с вилки, шмякнулся на пол, загремел, переворачиваясь, табурет... Мне казалось, что мы падали на пол целую вечность, пока маленькое инородное тело, выбивая из форточки ущербную луну, тихо проникает в квартиру, пересекает комнату, влетает на кухню и разбивает стекло стиральной машины. Как раз рядом с моей рукой, прижавшей Юлину голову к паркету. Десяток сантиметров вниз и...

– Давай отсюда! – рявкнул я, видя как пятнышко лазерного прицела ползет по стене, отражается от створки мутного стекла навесного шкафчика. Я втолкнул Юлю в ванную. Сам прополз к кровати, стащил с покрывала куртку... Зачем мне она, на кой черт! Открытая дверь в ванную комнату частично закрывала входную дверь. Юля, закусив губу, шваброй пыталась открыть задвижку.

Задвижку открыл я, вывалился из квартиры. Юля на карачках поползла за мной, но вдруг остановилась, заметив красное пятнышко на правой руке. Пятнышко соскочило с руки, перепрыгнуло на стену. И Юля снова задвигалась к двери, как завороченная глядя на это пятно. И вдруг оно пропало. И Юля прильнула к полу, вытянув вперед руку, ко мне. Пятно снова появилось на стене, чуть ниже. Юля не двигалась, она только беспомощно смотрела на меня. Я схватил ее за руку и вытащил из квартиры. А потом захлопнул дверь.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга: теперь плохо верилось в упавший частный самолет или слетевший с обрыва «феррари». Бежать!

И тут внизу хлопнула дверь, голоса. И по глазам Юли я понял, что вниз дороги нет. Нам не успеть добраться до спасительного окна, которым мы воспользовались в прошлый раз. Юля, стараясь не шуметь, поднялась еще на пролет вверх. Там была дверь на чердак, но она была закрыта: навесной замок, разболтанные петли... Я надавил плечом, петля сорвалась, я едва успел прижать замок рукой...

Чердак был низким, в дальней его части светлело окно на крышу. Справа мебельный хлам, пара старых ржавых велосипедов со спущенными камерами. Я наспех перегородил тумбочкой-развалюхой дверь, кинул следом велосипеды. Юля, согнувшись, двигалась к окошку. Под ногами шуршал песок, смешанный с керамзитом.

Возле окна Юля остановилась, дождалась меня.

– Ничего, – сказал я. – Пока они там в квартире все обшарят, пока поймут, что мы сюда залезли, пока дверь свернут, мы по крышам успеем уйти. Там же крыша? – я показал на окошко. Где-то там, за недавней баррикадой, хлопнула металлическая дверь.

Ветхая рама, скрипнув, поддалась. Юля выбралась на крышу, обернулась. На фоне светлеющего неба, стягивающего к краям, за крыши петербургских домов, облачную вязь, Юля выглядела фантастически. Легкий ветерок трогал ее кудряшки, профиль лица нежно вписывался в голубеющую бесконечность.

– Прости меня, – вдруг сказала она.

Юля смотрела на меня сверху вниз, взгляд странный, как будто прощалась со мной. И мне показалось, что она стоит на краю могилы, а я же – на дне этой самой могилы... Или я что-то пропустил? Из всей сегодняшней гонки что-то потерялось за пельменями и коньяком, за пистолетом с пустой обоймой, за теми парнями, что застыли возле джипа у ограды Таврического сада, за фотками, что мелькали перед моими глазами несколько часов назад.

– За что? За то, что ты заставила меня быть героем?

– Героем? – она отвернулась, словно слово это было ей невыносимо.

Кто-то ударил в дверь чердака. Мы побежали по крыше, под ногами гремели жестяные листы. Попытки влезть в другие чердачные окна, выйти в другие подъезды оказались безуспешными. Окна были заделаны намертво. Тратить время на выбивание рам бессмысленно, ведь из чердака доступного выхода могло и не быть. Оставался один путь – вперед по крыше. Но и крыша была конечна.

– Туда, – Юля показала направление. – Там можно попробовать перебраться на

другую.

Первый из парней высунулся из окошка чердака. И вот они – все четверо – один за другим вываливались из чердачного окна на покатошь крыши. Одинаковые: темно-серые костюмы и короткие прически. Кто-то из них Олег, лица я его не запомнил. Впрочем, теперь это уже было все равно. Они искали нас. Мы им были нужны. Может, нас ждала яхта на Средиземном море, или частный самолет, или красный «феррари», или конная прогулка на породистых лошадях. Как бы там ни было, яхта должна была утонуть, самолет упасть, «феррари» свалиться в пропасть, а лошадь сбросить седоков под копыта других лошадей, которые непременно разбили бы нам головы.

Еще несколько метров, и крыша кончалась. За ней – пропасть. Другая крыша была в стороне. Соседний дом примыкал к этому как бы уступом. С небольшим, правда, захлестом, в метр, быть может, шириной. Места, чтобы приземлиться, как раз для одного человека. Была еще лестница, что шла по стене дома на крышу. Да, разбежаться и прыгнуть – два метра пролететь над пропастью в шесть этажей и...

– Нет! – крикнула Юля. – Мы не перепрыгнем!

– У нас есть выбор? Я прыгаю первым, ты – за мной!

– Нет! – страх в ее глазах. – Я... я... не могу...

– Тогда вместе, вместе.

Юля оглянулась назад – парни, как казалось, не слишком спешили, были уверены, что никуда нам с этой крыши не деться.

– Вместе!

– погоди... Все не так!

Юля била себя щекам, словно желая вырваться из ужасного сна.

– Нет! Ты не понимаешь!..

– У нас получится. Мы прыгаем вместе, ты летишь на крышу, на тот угол, – я показывал рукой, куда должна была приземлиться Юля. – А я... а я – на лестницу, я зацеплюсь за нее. Ты знаешь, я в юности «солнышко» крутил на турнике, я смогу, у меня получится...

Парни остановились. Двое справа от нас, двое – слева. И два пистолета медленно поднимались, выверяя каждый свою цель. И вряд ли стоит надеяться, что в них были пустые обоймы...

И мы летим над пропастью, как в том самом фильме, названия которого я не помню. Перед моими глазами металлические пруты лестницы, ведущей на крышу соседнего дома, изгиб, вынос над уровнем крыши. На эту лестницу я и летел.

А Юля летела в другую сторону, и за ней... И за ней тянулась веревка, а навстречу ей с другой крыши тянулись чьи-то руки. Все это мелькнуло перед моими глазами за какую-то долю секунды, и я не понял, почему это так – откуда взялась веревка и как появились руки. И почему лестница, казавшаяся прочной конструкцией, отваливается от стены, и металлические пруты переламываются как спички, и я медленно лечу вниз, словно в каком-то вязком сне. Как будто теперешние секунды имели иное свойство, чем секунды прошлые, обычные, словно они были необходимой частью прозрения, проникновения в суть вещей. Быть может, так оно и есть, и это хорошо известный факт, и только я, лишь пролиставший, будучи не собой, Джойса, у которого в пяти с половиной сотне страниц уложился всего один день, не знал этого. И несколько последних секунд моей жизни, превратившиеся в долгий, если не бесконечный, полет с высоты шестого этажа, оказались будто другой жизнью, в которой сложился пазл, странный, невообразимый, фантастический. И в нем нашлось место и пульсирующему совиными глазами и каким-то внутренним сердцем кулону на шее Юли, и пистолету с пустой обоймой, и огоньку сигареты в окне маленькой квартирки на последнем этаже, и лопнувшему стеклу стиральной машины, и забитыми выходами с крыши, и фотографиям в ноутбуке. И частички этого пазла будут последним, что я увижу. А не увижу я много чего другого. Фотоаппарата в руках стоящего под стеной здания фотографа.

Указательного пальца с холеным ногтем, нажимающего на кнопку спуска затвора. Сенсационной фотографии с подписью «Я и самоубийца», поднявшей на некоторое время рейтинг интернет-блога, на страничке которого она будет размещена, фотографии, на которой будет запечатлен автор блога, а позади него падающее на асфальт тело. Не увижу я и разочарования известного блогера, не услышу поток брани: столько потрачено бабла на то, чтобы сделать эту крутую фотку, а пост так и не вылез в топ, этим миром правят блять-дебилы и сука-уроды, а не реальные деньги! Не увижу я и того письма, упавшего накануне в мой почтовый ящик с инструкцией, согласно которой я должен прыгнуть на эту чертову лестницу, и ни слова в ней не было про то, что верхний ее пролет – лишь имитация лестницы. Не почувствую я и пополнения моего банковского счета за выполненную очередную работу статиста. И не узнаю, что куда большая сумма упадет на счет Юли, которая четко выполнит свою инструкцию, и это будет ее первая подобная работа не статистом, смелый ход, ведь не было специальной подготовки, однако был срочный заказ, можно отказаться, но это же ваш шанс, вы понимаете, и она не откажется, потому что у нее больная мама и неблагополучная младшая сестренка. И не увижу я, может быть, слез Юли, размазанных тонкой, почти прозрачной ладонью по щекам – хотя это вряд ли, бизнес, ничего личного, и никакой в помине смены парадигмы.